
СТОЛКНОВЕНИЕ КУЛЬТУР С ЦИВИЛИЗАЦИЕЙ КАК ПРИЧИНА И ПОЧВА МЕЖДУНАРОДНОГО ТЕРРОРИЗМА

В. А. Кутырёв

Показывается ограниченность узкополитического понимания причин международного террора и неэффективность «социотехнических» методов борьбы с ним. Он трактуется как проявление противоречий между образом жизни общества прагматико-технологического типа (цивилизация) и обществ, руководствующихся традиционными духовными ценностями (культуры). Глобальная экспансия ценностей современной потребительской цивилизации ведет к тому, что она сама же и вымирает. России не следует торопиться расставаться с культурными регуляторами жизни.

«Призрак бродит по Европе, призрак терроризма», – так сейчас могли бы перефразировать «Коммунистический манифест» те, кто еще помнит марксизм. Действительно, о терроре то все вдруг примутся говорить, относя к нему любое военное происшествие и столкновение, призывая объединиться против него «весь цивилизованный мир», то забывают, не придавая значения, не обращая внимания на самые явные его акты. В отношении к терроризму много политиканства, бессознательного нежелания выявлять его глубинные основания, потому что это потребовало бы более ответственной политики от всего мирового сообщества, особенно от лидеров так называемых развитых стран, и понимания того, не коренятся ли причины этого явления также в их собственном поведении.

Во времена холодной войны, до появления «международного терроризма», между западным и советским блоками велась непрерывная идейная полемика. Стороны «обстреливали» друг друга аргументами, пропагандистскими лозунгами, теоретическими исследованиями. Ничего похожего сейчас нет на фронтах анти-террористической борьбы. Цивилизации противостоят «бандиты». Это в самом деле бандиты без кавычек, безжалостно приносящие в жертву невинных людей. Однако не ради ограбления и собственного обогащения: их бандитизм не экономический, а политический (в случае сепаратизма) или – шире – идеологический, культурно-мировоззренческий, когда даже не выдвигаются какие-либо конкретные требования. По крайней мере в своих корнях, в почве, которая его питает, взращивая, особенно на Востоке, в мусульманских странах, имеются миллионы молодых носителей ненависти к «цивилизации», к обществу комфортного потребления прибыли и людям, фактически отказавшимся от религии, морали и других духовных ценностей.

Именно здесь базисная причина международного, или, точнее, глобального терроризма, «четвертой мировой войны». Если с ним бороться, его нельзя отделить от сопротивления традиционных культур и народов тотальному наступлению

на них «цивилизации без святых и героев». Или иные будут пытаться (да фактически и пытаются) списывать на терроризм все безумие гонки вооружений, всерьез уверяя, что армады авианосных флотов, подводных лодок, сотни эскадрилий бомбардировщиков и глобально-космические ракетные системы нужны для «борьбы с терроризмом», чтобы поймать в горах какого-нибудь Усаму бен Ладена. Этот циничный самообман до добра не доведет. Выступая «за мир», желая изгнать из жизни людей террористические формы взаимоотношений, надо попробовать понять противника и, как это ни трудно, ни болезненно, решиться вступить с ним в теоретическое соприкосновение.

* * *

Что сейчас в арсенале борьбы с терроризмом?

Голая технология, вещная и социально-организационная. Еще бюрократия, «учет и контроль». А также ответные тайные террористические операции. Меры, поражающие своей неадекватностью сложности и глубине проблемы, опасностью придания террору «законной формы» в межгосударственных отношениях. Ну начинают всех сканировать и донага раздевать в аэропортах. А на железнодорожных вокзалах? У входов в метро и в автобусах? Охранник с пистолетом в школе или других учреждениях – что он сделает с группой из 20–30 человек с автоматами и гранатометами? Такие меры принимают взрослые государственные мужи, законодатели. И ничего больше. Такая наивность! (Воздержимся от употребления более точного слова.) Щит и меч, броня и снаряд совершенствуются взаимно и ничего кроме когда-то всех пугавшей, а теперь ползучим образом осуществляющейся антиутопии «нового прекрасного мира» О. Хаксли на пути тотального технического контроля, доносительства и «войны терроризмов» не просматривается. Это решения скорее психотерапевтические, для основной массы населения что-то дающие, успокаивающие – до очередного теракта в новом месте новыми способами. Скорее всего, с использованием средств массового поражения.

Думающие люди, стоящие у власти политики такими перспективами удовлетворяться не должны. Однако антитеррористические государственные акты тоже вырабатываются в определенной атмосфере. Их поверхностность и организационно-бюрократическая ограниченность неслучайны. Чтобы принять брошенный вызов, важно понимать его смысл и причины. Для этого надо опираться на соответствующий мировоззренческий, культурно-идеологический фундамент, которого нет и созданию которого не придается значения.

Сказать, что о нем совсем не думают и «не ищут», нельзя. Прежде всего указывают на социально-экономические обстоятельства: бедный Юг/Восток против богатого Севера/Запада; надо преодолевать разрыв между слаборазвитыми и передовыми странами; когда все будет сытыми, все успокоится. Но, по крайней мере на данном этапе, эмпирические факты, мотивация, состав участников и вождя радикального движения не позволяют признать экономическое объяснение достаточным. Нужно учитывать сферу духа, значение ценностно-культурных аспектов жизни. «Что же толкает саудовцев и выходцев из других небедных исламских стран к экстремизму и терроризму?» – ставит вопрос один из постоянных авторов газеты «Завтра». И утверждает, что, «очевидно, ответ следует искать во вполне определенной интерпретации ислама, навязываемой горсткой фанатиков, обладающих огромными финансовыми средствами и умело использующих наивное

мышление некоторых молодых людей. Именно в искаженном, однобоком восприятии ислама, как представляется, и заключается главная причина того явления, которое называют сегодня «исламским терроризмом»¹.

Можно согласиться, что проблема в «интерпретации ислама», но почему вообладала такая интерпретация и почему множество верующих принимают ее? Можно ли объяснить одним «фанатизмом», только психологией, пожалуй, невиданное в истории человечества по размаху жертвоприношение собственными жизнями во имя идей, как это происходит в феномене шахидизма? Ужасное явление, о котором кроме глупостей и пошлости ничего не сказано и не написано. К тому же экстремистские, фундаменталистские течения, хотя и не доходящие до террора, есть почти во всех религиозных конфессиях. И не в собственно религиозных движениях, если вспомнить выступления арабской эмигрантской молодежи во Франции. По содержанию они все в основном «антизападные». Резко критическое отношение к американским, западным ценностям не чуждо и агностикам, атеистам, идеологам «континентализма» и евразийства, о чем свидетельствуют миллионные антиглобалистские манифестации то в одной, то в другой части света. Ссылка на навязывание антиамериканизма фанатиками – образец мышления не менее наивного, чем у «наивных молодых людей».

* * *

Наукосообразное, наиболее основательное и прогнозирующее исследование культурно-цивилизационных причин радикализации антизападных настроений проведено С. Хантингтоном². В нем показано, что после окончания холодной войны и распада социализма глобальная политика все больше выстраивается вдоль культурных линий. Модели сплоченности и взаимопомощи или дезинтеграции и конфликта определяются ценностной идентичностью сообществ, то есть религиозными, моральными традициями, исторически сложившимся образом жизни и самосознанием народов. Это то, «что остается» для самоотождествления в условиях глобальной экономики и технологии. Отсюда возникает новый мировой порядок – полицивилизационные отношения. Насчитывая 8 ведущих цивилизаций (западная, африканская, синская, индусская, исламская, японская, латиноамериканская, православная) и предвещая усиление борьбы между ними, он, будучи представителем Запада, дает рекомендации по его выживанию. Это книга, много разъясняющая в современной ситуации (хотя написана до «11 сентября»), и есть некая загадка в том, что в дискуссиях по проблемам международного терроризма, формально упоминая, на самом деле на нее не опираются. Не просто игнорируют, а считается хорошим тоном откеститься от взгляда, что терроризм есть следствие «столкновения цивилизаций», в частности прежде всего западной с мусульманской. На разгадке такого отношения к книге мы остановимся позднее.

Не то чтобы слабостью, а, пожалуй, упрощением задачи можно признать, что С. Хантингтон отвлекается от противоречия, в большей или меньшей мере пронизывающего все цивилизации, от того, что их состояние зависит от соотношения его сторон в каждой из них и того, на какой стадии и как оно разрешается. Это

¹ Пруссаков, В. Исламская мозаика // Завтра. – 2004. – 8–14 ноября. (Prussakov, V. Islamic mosaic // Tomorrow. – 2004. – November 8–14).

² См.: Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций. – М.: АСТ, 2003. (See: Huntington, S. Clash of civilizations. – Moscow: AST, 2003).

противоречие между культурой и технологией, сторонниками сохранения духовности, то есть решения проблем путем апелляции к сфере ценностей – греху, воздаянию, добру, злу, чести, совести, справедливости, заботе и т. д., – и целерациональными, инструментальными социо-техно-экономическими способами: не обращаясь к чувствам, душе и духу человека; заменяя их знанием и информацией; рассматривая его как свободного от переживаний, полностью рационального «актора»; отбрасывая традиции и духовные авторитеты как препятствия для успешного функционирования.

С превращением техники из средства деятельности в нечто саморазвивающееся и самоценное создается особый, идущий на смену обществу мир – Технос. Технос – не просто сфера наряду с другими (техносфера), а именно то, что, как когда-то религия и культура, пронизывает все. Торжествует принцип пользы, расчета, автоматической обязательности. Если при приеме на работу практикуют предварительное тестирование и проверку на детекторе лжи, то совесть и профессиональная честь большой роли не играют. Если брак заключают как контракт, а ребенок рождается от совокупления шприца с пробиркой, то вопрос о любви и чувствах при создании семьи снимается. Если служба в армии – профессия, то проблема патриотизма и священного долга перед Родиной неактуальна. Человеческое общение вытесняется юридическими отношениями, «гуманитарной техникой». Когда-то офицера сажали под домашний арест под честное слово. Теперь – под «электронный браслет». Все решается «извне», в том числе в сфере идеального. Вместо воспитания личности к ней начинают применять психопрограммирование, вплоть до деконструкции и перекодирования. Таким образом, по мере роста возможностей технологического манипулирования людьми духовность как механизм поддержания их социальности устаревает, становится ненужной. Отмирает и личность, даже «актор» (функциональный, но самостоятельный делец), на смену которому идет то, что от них остается: «человеческий фактор» (социотехнической системы) или агент (компьютерных сетей).

Если процесс исторического развития этого противоречия расположить по оси этносов, то его первая сторона – культурное регулирование – будет превалировать в демографически бурно развивающихся, но технически отсталых регионах, где целерациональные, инструментальные отношения между людьми только формируются, а вторая – социотехническое регулирование даже личных, интимных форм жизни – на Западе, в так называемых открытых обществах. Оно пронизывает все общества. Свои патриоты и космополиты есть в Китае, интегралы и эгоцентристы – в России, славянофилы и западники – в Америке, тоталитаристы и либералисты – в Японии, Израиле. Вопрос в их влиянии внутри общества и влиянии того или иного общества на остальные, во взаимодействии между ними, мирном или агрессивном, экспансионистском.

Особенность нынешней ситуации в противостоянии в той или иной степени «семи цивилизаций» (лучше бы их продолжать называть культурами) – западной (цивилизации в точном смысле слова; неслучайно Запад перестал позиционировать себя как культура даже терминологически). И не по линии взаимной борьбы культурных традиций и их ядра, религий, например католического христианства и ислама, конфуцианства и православия, а противостояния всех культур господству социо-техно-экономизма, фактически выхолащивающего любую веру в любого бога. Главные ценности открытого общества – эгоцентризм, самореализация, ути-

литаризм, функциональность – есть, в сущности, отказ от ценностного отношения к миру. Культура: мораль, религия – обязательно предполагают «служение», «долженствование», подчинение части целому, индивидуального человека – родовому и выше – родового человека некоему Абсолюту, Богу; то есть иерархию, без которой ценности не имеют смысла. Члены открытого социо-техно-экономического общества – Техноса – ориентированы горизонтально, на самих себя. Ничем «высшим» они не ограничены и к нему не стремятся. Общее благо, а фактически просто богатство, образуется за их спиной. Стремительно прогрессирует, совершенствуясь, только технология. Отсюда «конец истории». Это конец культурной истории человечества, его духовно-личностного образа жизни и начало постчеловеческого функционирования «человеческого фактора». Превращение субъекта («смерть человека» в интерпретации постмодернизма) в объект.

Так что «столкновение цивилизаций», если его конкретизировать, происходит в виде столкновения культурного и технологического миров как внутри, так и между цивилизациями, хотя и с разной силой. Наиболее ожесточенное сопротивление своему уничтожению в настоящее время оказывает исламская культура. В ее ядре – довольно молодая, еще пассионарная религия, ее общества обладают относительно средним уровнем материального достатка и высоким демографическим динамизмом. Она открыто приняла вызов техноса, хотя тайно, обычно в русле антиамериканизма, ей сочувствуют все другие субъекты культуры, в том числе сохранившиеся в западной цивилизации. Современный терроризм – вершина айсберга сопротивления утилитарному социоэкономическому образу жизни, который ведет технологизированная часть человечества, другой его огромной части, продолжающей культивировать духовные формы существования и ценностные способы регулирования социальных отношений. *Это столкновение корабля прогрессистов с айсбергом консерватизма (стремления человечества к самосохранению).*

* * *

Чего, собственно говоря, добиваются эти консерваторы, то есть фундаменталисты, традиционалисты, интегралы и прочие «варвары» и «экстремисты», как обычно их квалифицируют идеологи глобального, либерально-технократического, свободного, богатого, комфортного, атомизированного, так называемого «открытого общества»?

Прежде всего они настаивают на праве верить в Бога, считая важнейшим правом человека не просто говорить, рассуждать о нем или 1–2 раза в год посещать церковь, а жить, будто *Он существует на самом деле*, и что вера имеет содержание. Это значит соблюдать заповеди, исполнять обряды, носить соответствующую одежду, молиться. Вместо того, чтобы 1,5–2 часа в день смотреть телевизор, узнавая разные новости, особенно где, когда и сколько убили, что продают, какие прокладки и зубные пасты эффективнее, они тратят столь драгоценное время на исповедь и сокрушение духа, обещания Богу стать лучше, любить ближнего и т. п. Вместо того, чтобы развлекаться, они, видите ли, «совершенствуются», совершенно не считаясь с тем, что эксплуатация пороков и страстей человека является важнейшей статьей получения прибыли, а значит, накопления общественного богатства, что потребительское общество перешло к потреблению самого человека. Они против уничтожения зачатых младенцев, в то время как западная цивилизация считает неотъемлемым правом родителей самим решать вопросы жизни или смер-

ти своего потомства. Осуждаются, словно мы не лжем, а и в самом деле христиане времен 10 заповедей, прелюбодеяния и «легкомысленные разводы», чем в открытом обществе почти гордятся (эстрадный кумир свое интервью подписывает: «Разведен после третьего брака»). К другим «ужасам традиционного общества» относится нетерпимое отношение к перверсивным формам сексуального поведения, гомосексуализму и трансвестизму, которые, если мыслить хоть сколько-нибудь последовательно, ведут человеческий род к гибели. Фундаменталисты, конечно же, против клонирования, эвтаназии, замораживания трупов и многих других достижений современной науки, которая безоглядно и практически насильно внедряет их под маркой инноваций. Они считают их опасными, что вообще-то признано законодательствами многих стран. На «своем языке» они считают их дьявольскими. Они, естественно, за сохранение семьи (вместо сожительства), ее приоритетности для женщин (фамилизм вместо феминизма), почтительное отношение младших к старшим (вместо того, чтобы спровоцированный адвокат ребенок мог подать в суд на родителей за невыполнение обещания купить игрушку), между тем как в демократических странах настаивание на подобной корано-библейской архаике расценивается как грубое нарушение прав человека. Индивид сам может распоряжаться своим телом, и если хочет им торговать, то главное условие – делать это в рамках рыночного закона, соблюдая медицинскую безопасность. Основное предназначение женщины – выполнять в обществе ана/тавто/-

логичные функции, что и мужчина, быть все время «почти как». В этих условиях говорить о приоритете материнства неполиткорректно, это значит ее унижать.

Вообще, сохранение семьи, по-видимому, главный раздражитель для современной цивилизации, от семьи как формы совместного существования, в сущности, уже отказавшейся. Прямо об этом не говорят, но на бессознательном уровне антифамилизм господствует. Чего стоит отказ от понятия пола и замена его гендером, институционализация однополых (по подлинному смыслу – бесполох) «семей», на самом деле – антисемей, ибо семья (семя) по своей природе предназначена для рождения потомства. Куда бросается семя в однополем браке? Возведение подобного отклонения, всегда существовавшего, но индивидуально, в социальную норму и его государственная регистрация – это вызов самой жизни на Земле.

Другой неискупимой виной большинства традиционных культур является также ограничительное, невесторженное отношение к накоплению богатств. Некоторые исламские сообщества (уммы) доходят до осуждения «ссудного капитала», ростовщичества и пытаются открывать банки с минимальным процентом по кредитам, необходимым лишь на содержание персонала. Это похоже на «трудовые сберегательные кассы» при социализме. Здесь кончается терпение у самых терпимых и открытых западных демократий... («И тогда мы летим к вам.»)

С философско-исторической точки зрения различие между закрытыми (культурой) и открытыми (посткультурными) цивилизациями в том, что первые следуют категорическому императиву И. Канта: «Поступай так, чтобы максима твоей воли могла стать правилом всеобщего законодательства», а вторые – индивидуалистическому утилитаризму И. Бентама с его лозунгом: «Наибольшее количество счастья для наибольшего числа людей». Первые действительно фундаменталисты, «принципиалисты», потому что оценивают поступки с точки зрения интересов человеческого рода, когда каждый индивид отвечает за его судьбу, вторые – ли-

бертариисты, эмпирики, обычно понимая, что «если все так будут поступать, человечество прекратится», они делают для себя исключение, полагая, что все так не поступят. Останутся люди, которые будут заключать браки, сохранять семьи, рожать детей, защищать Родину, помогать ближнему и т. п. (Это если адепты прав человека «умеренные», а передовые считают своим долгом с этими пережитками бороться – с верой, *в полном праве* осмеивая каких-то «святых», с семьей, патриотизмом, коллективизмом, альтруизмом. И борются – следите за их пропагандистскими кампаниями, самая известная и, очевидно, не последняя из которых была «карикатурная война» против пророка Мухаммеда.) Все под флагом свободы, прежде всего от социальных норм, прежде всего – нравственных. И под флагом «прав человека», понимая их сугубо избирательно, дерзко евроцентристски, анти-исторически. При полной слепоте и глухоте к собственному, почти рабскому бесправию в отношении рекламно-политкорректной лжи и прочей потребительской зависимости от социотехники и гуманитарных технологий.

Фундаменталистская линия направлена на сохранение, «экономия» источников жизни и поддержание идентичности человека, либералистская – на их трату в духе «после нас хоть потоп» или ведет к превращению человека в нечто Иное (см. трансгуманистическое движение, открыто провозгласившее борьбу с идентичностью *Homo sapiens*). Поистине ужасные люди эти фундаменталисты: хотят *сохранения фундамента* как основ дальнейшего существования человечества, в то время как в открытых обществах его размывают и разрушают, отбрасывая прочь последние устои. И какие дальновидные, прогрессивные эти либералы: хотят свободы от питающей их существование почвы, *свободы к смерти*. Объявивший «конец истории» Ф. Фукуяма совершенно логично доводит его до провозглашения «конца человека». «Биотехнология предоставит нам средства, позволяющие завершить то, чего не удалось специалистам по социальной инженерии. *И тогда мы окончательно покончим с человеческой историей, поскольку мы отменим “человеческие существа” как таковые. И тогда начнется новая история, история по ту сторону человеческого*»³. Это людоедское технократическое теоретизирование, которому фашистские идеи XX в. годятся только в подметки, базируется на вполне реальных фактах и тенденциях развития Западной цивилизации. Как с гордостью за успехи человеческого (?) прогресса сообщают газеты, Билл Гейтс под лозунгом осуществления «капитализма без помех» недавно запатентовал «исключительные права на использование человеческого тела как локальной беспроводной сети» (патент № 6 754 472). В заявлении компании «Microsoft» говорится, что человеческое тело – это всего лишь «объект интеллектуальной собственности, который подлежит лицензированию» и, следовательно, продаже. Да мало ли чего следует – после человека. Казалось бы, защитники демократии и прав человека в свете таких тенденций должны рвать на себе волосы и биться в истерике, но мы видим почти олимпийское спокойствие, они оживляются только против культурных ограничителей, особенно если те нужны ради продолжения человеческого рода. Потому что, сами того не замечая, *современные либералы стали технократами*, то

³ Цит. по: Вирилио, П. Информационная бомба. – М.: ИТДГК «Гнозис», фонд «Прагматика культуры», 2002. – С. 173. (Cit. on: Virilio, P. The information bomb. – Moscow: Publishing House 'Gnozis', 'Culture Pragmatics' Fund, 2002. – P. 173).

есть сторонниками тоталитаризма, только не культурно-политического, а технического.

Впечатлительными людьми и теми, чье сознание не похищено «миром иного», подобное поведение тоже воспринимается как терроризм, хотя растянутый во времени, зато направленный не против отдельных индивидов или групп, этносов, а против всего человечества, его жизненных оснований. Как объявленная война оно воспринимается не только религиозными фундаменталистами и старомодными моралистами, но вполне актуальными интеллектуалами, которые сами день и ночь сидят за компьютерами, производя интеллектуальную собственность. Внезапно в них начинает бунтовать не до конца подавленная виртуализмом существования телесно-духовная природа, и они выходят на улицы городов с лозунгами борьбы против глобализма. Их кумирами становятся те, кто осмелился бросить вооруженный вызов посткультурной потребительско-технологической цивилизации и обличает ее как силу, враждебную людскому роду. «В 4 мировой войне... противником является человечество. 4 мировая война уничтожает человечество, по мере того как глобализация становится универсализацией рынка. Все человеческое, что возникает на пути рыночной логики, является враждебным и подлежит уничтожению. В этом смысле все мы являемся противником, который должен быть побежден: индейцы, не индейцы, наблюдатели за сохранением прав человека, учителя, интеллектуалы, артисты. Любой, считающий себя свободным, но таковым уже не являющийся... Речь идет о сведении всех к одному знаменателю, о превращении всех нас в существа совершенно одинаковые и утверждения в мире одного образа жизни. Главным развлечением при этом должна стать информатика»⁴.

Возникновение современного международного терроризма – это реакция на становление нового глобального мирового порядка. Мира без святых и героев, без идеалов и духовных ценностей, где все собственно человеческие отношения заменяются технологией. Реакция на порядок, при котором одна цивилизация – западная, прежде всего Америка, претендует на распространение этого строя и образа жизни на всю планету, то есть на мировое господство. Притом рассматривая его не конкретно-исторически, соотнося с эпохой, природной средой и характером общественного производства, а как абсолютный, единственно возможный и правильный. Плюрализм! Пропагандисты толерантности! Преследуют всех там, где ее нет, кто еще технически не зомбирован. Многие страны находятся в условиях, в которых Америка была лет 30–50–100 назад. Соответственно они применяют те формы регулирования жизни, какие тогда применялись в ней самой, далеко не толерантные или политкорректные. Но от них требуют жить по сегодняшним меркам и ценностям Запада, *вырывая из времени*, выравнивая историю «по календарю», насилуя и ломая внутреннее развитие, орудуя, как дубинкой, своей идеологией в собственных интересах. В этом политическая суть глобализма, непрерывно порождающего конфликты, ставящие мир на грань войны в условиях продолжения гонки вооружений, все более фантастической, техницистской и бессмысленной. Для ее оправдания – международный терроризм, даже если бы

⁴ Субкоманданте Маркос. Другая революция. Сапатисты против нового мирового порядка / сост. А. Цветков, О. Ясинский. – М.: Гилея, 2002. – С. 146. (Subcomandante Marcos. Other revolution. Zapatistas against a new world order / ed. by A. Tsvetkov, O. Yasinsky. – Moscow: Gileya, 2002. – P. 146).

его не было, надо было бы его выдумать, спровоцировать. И, хотя не всегда государства в целом, определенные круги и службы его провоцируют, культивируют, стимулируют.

* * *

В подтверждение данного довольно очевидного положения, хотя из него не делается дальнейших столь же очевидных выводов, лучше сослаться не на революционеров и антиглобалистов, а на автора «с западной стороны», того же С. Хантингтона. Заодно будет понятно, почему его глубокая, построенная на обширном фактическом материале работа не пользуется спросом в идейной борьбе с терроризмом. «Запад с его давними миссионерскими традициями, и главным образом Америка, полагает, что не-западные народы должны перенять западные ценности демократии, свободного рынка, контролируемого правительства, прав человека, индивидуализма, господства права и затем должны воплотить все эти ценности в своих институтах. Меньшинства из других цивилизаций с радостью принимают и поддерживают эти ценности, но в не-западных культурах преобладает другое отношение к этим ценностям: от широко распространенного скептицизма до жесткого противодействия. То, что для Запада – универсализм, для остальных – империализм»⁵. С. Хантингтон прямо обвиняет западные правительства и международные транснациональные институты в том, что проводимый ими глобалистский курс ведет к войне. «Важно осознать, что вмешательство Запада в дела других цивилизаций является, вероятно, единственным наиболее опасным источником нестабильности и потенциального глобального конфликта в полицивилизационном мире»⁶. И самая главная забота дальновидного автора в том, что в конце концов эту войну Запад проиграет. Ради выживания надо поддерживать уникальность собственной цивилизации и прекратить истощаться, контролируя чужие дела.

Притом он недооценивает, что «проигрыш» скорее всего придет изнутри. Курс на деконструкцию ценностей родового человека с необходимостью ведет к падению его воспроизводства. Конец природно-культурной истории цивилизации означает «в конце концов» конец демографический. «Свободный», эгоистичный, гендерный, мультикультурный и политкорректный Запад *благодаря этому – заканчивается*. (Для воспроизводства населения коэффициент рождаемости на семью должен быть 2,4, а он в среднем по Европе – 1,5.) Но, оказывается, есть еще общества, ценности которых дают им возможность и способность расти. Как же их не приобщить к «клубу вымирающих наций»?! Ведь умирание проходит с комфортом, в форме все более легкой жизни. *Великий трагический парадокс современности в том, что «нормой», образцом для подражания всего человечества объявлены ценности и образ жизни, которые ведут к прекращению его существования*. Приоритет прав человека – это приоритет индивида над родом, личности – над обществом, клетки – над организмом. В последнем случае, как известно, такой приоритет ведет к раковому заболеванию. Сходный процесс охватывает и либерально-технократическое общество. Однако его приветствуют. А вот поступать, строить друг с другом отношения согласно условиям сохранения живого – старомодно, «неполиткорректно», консервативно. Жить – несовременно, заботиться об

⁵ Хантингтон, С. Указ. соч. – С. 282. (Huntington, S. Op. cit. – P. 282).

⁶ Там же. – С. 514. (Ibid. – P. 514).

этом – реакционно. И живые культуры приговариваются к смерти. К цивилизации. К обездушенному функционированию.

Потому что сами общества Запада твердо вступили на путь Mortido – самоотрицания. Они влюблены в смерть. Корабль собственно человеческого прогресса взял курс к береговым рифам. Развивается техника, а человек деградирует, сначала духовно, а затем и телесно. Ожирение, которым страдают до 30 % американцев, не просто откуда-то свалившаяся напасть, а следствие образа жизни, притом не столько физического, сколько духовного. Это символическая болезнь. Черная метка всем потребительским обществам, о которых можно спросить: как живут достигшие подобного состояния нации? И ответить: великолепно, лучше не надо – они у/вымирают. Эвтаназия (легкая, счастливая смерть) – вот очевидная перспектива этносов, вступивших в стадию тоталитарного технико-экономического образа жизни. Уже сейчас их жизнь поддерживается за счет приезжих, их заселяют миллионы представителей других культур, второе, третье поколение которых обретет повышенную национально-религиозную чувствительность и, отбросив все разговоры о толерантности, подавит ценности индивидуалистической демократии, скорее всего, вместе с ее близорукими носителями. (Спорт – наглядная модель ее ближайшего демографического будущего.) В дальнейшем, возможно, технический прогресс опять разложит новоприбывшие культуры, но это будет происходить без «аборигенов». К концу XXI в. от ядра белой цивилизации останутся комфортные резервации (в которые никто не будет загонять, аборигены организуют их сами) и географические названия. Хотя до этого ей надо дожить.

Таким образом, если говорить о причинах современного напряжения в международных отношениях, грозящего перерасти в полномасштабную «четвертую мировую войну», то инициатор в ней – западная цивилизация, ее прогрессивно-агрессивный, самоубийственный экспансионизм. *Международный терроризм – это безумный ответ на ее сумасшедшее поведение.* Задача ответственных, еще находящихся в здравом уме и памяти представителей каждого общества в том, чтобы культивировать борьбу с экстремизмом в собственных рядах. С одной стороны, против попыток остановить культурные изменения, застыть в традиции, с другой – против ее полного техно-либерального разложения и превращения человека в нечто постчеловеческое. Это есть задача на «устойчивое развитие». О нем много говорят, но в основном превратно. Что, мол, надо развиваться как можно быстрее. На самом деле все наоборот. Это вопрос о его ограничении. Система должна развиваться такими темпами, чтобы сохранить свою идентичность, то есть существование. Не человек для прогресса, а прогресс для человека. Ради своего и общего выживания каждая цивилизация, регион, страна должны вести себя наиболее адекватным поддержанию собственной устойчивости образом. И только после этого надеяться на адекватность «другого».

* * *

Насколько адекватно ведет себя Россия в свете борьбы с терроризмом дома и в мире? Ее положение в некотором роде парадоксально, и, кажется, опровергает развиваемую нами культурологическую теорию столкновения еще культурных и уже технологического миров. Не будучи лидером западной цивилизации, претендуя на сохранение традиций и культуры, как православной, так и мусульманской, она постоянно находится на острие международного терроризма. Объяснение

угрозой сепаратизма само нуждается в объяснении – почему возникает сепаратизм, желание отделиться и практиковать другой образ жизни? Хотя, конечно, в Чечне, Ингушетии он частично обусловлен их давними историко-культурными противоречиями с Центральной Россией, его всплеск связан также с протестом против захлестнувшей страну вакханалии безнравственности и социальной деградации, против торжества ценностей, глубоко чуждых коренному укладу жизни мусульманских народов, особенно народов Кавказа. Это противоречие усиливается, приобретает глобальную форму по мере того, как Россия пытается играть чуть ли не ведущую роль в поддержании либерально-эгоистического мирового порядка, в то время как она его «слабое звено». Растеряв немалый нажитый Советским Союзом, несмотря на идейные расхождения, авторитет в мусульманском мире, да и у всех других культур, мы при такой политике объективно будем таскать каштаны из огня для чуждых нашему народу сил. В результате если Америка выступает для радикальных мусульман Большим Шайтаном, то России могут отдать роль второго по значению упоминаемого в Коране дьявола – Иблиса. Но жертвой борьбы Россия может стать первой. С Иблисом справиться легче.

Для предотвращения такого поворота событий надо принимать меры прежде всего в своей стране. Надо остановить идущее под флагом свободы разложение культуры в обществе в целом, пресечь вакханалию наживы медиа-буржуазии на чем угодно и любой ценой, для чего нужен общественный контроль над средствами массовой информации. Необходимо восстанавливать, как ни странно теперь звучит, дружбу народов, пропагандировать ценность различий, неполноты любой формы мировоззрения, идеалы взаимного духовного обогащения. Решительно, жестко подавляя любые политические сепаратистские тенденции, расширять национально-культурную автономию этносов. Опираясь на более твердое ядро морали в исламе, ссылаясь на суровую необходимость считаться с ним, можно увереннее бороться за восстановление влияния и союз вокруг православия как наиболее влиятельной конфессии всех других – католических, протестантских, иудейских, буддистских – религий и коллективистских ценностей. Это хорошее объективное оправдание перед внутренним шайтаном техно-экономического потребительского тоталитаризма и всеми идеологами «нового прекрасного мира» в лице духовно погибших, но влияющих на определение политики страны людей.

Спасение там, где опасность, говорил Ф. Гёльдерлин. Из угрозы распространения практики террора в отношениях между народами, задач борьбы с ним надо извлечь пользу для оздоровления общества, как минимум его сбережения, продолжения. Что толку во всех технико-экономических достижениях, если их носители как нация и страна вымирают? Копить богатства, чтобы скорее умереть, – это поведение сумасшедших. Однако решение демографической проблемы не может быть обеспечено одними экономическими стимулами, оно органически связано с характером исповедуемых в обществе ценностей, состоянием его духовности. Рискую вызвать крики возмущения прогрессивно без(д)умной части нашего общества, предлагаем обсудить мысль, к которой шла вся статья: *ради выживания, чтобы не разделить недалекую печальную участь Запада, Россию, возможно, надо бы «подморозить»* – для того, чтобы скорректировать направление развития. Время от времени такая необходимость появляется в любом обществе. И защищать от тотально индивидуалистического отравления и самоотравления, от объективно «снимающих» общество и родового человека пропагандистских воплей живо разлагающейся цивилизации: «Любите себя», «Ваше Я превыше всего»,

«Идеал женщины – стерва» и т. п. В административно-управленческом плане это частично делается. Но важны консервативное мировоззренческое продолжение, соответствующая идеология. Нужна политика *экологии культуры*. Тем более что Большой Шайтан «внутри себя» подобные меры предпринимает. ***Чтобы нам не остаться голыми среди волков.***